

Научная статья
УДК 94(47). 082
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/73-83

Сложная крестьянская семья Саратовской губернии в конце XIX в.

Павел Юрьевич Мельников

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, p_melnikov@list.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные характеристики сложной, многопоколенной крестьянской семьи. Классификация семей производилась в соответствии с Кембриджской системой Питера Ласлетта. В качестве исходного материала послужили первичные переписные листы земской сельскохозяйственной переписи 1880 – первой половины 1890-х гг. Выявлены основные количественные параметры сложной семьи, ее разновидности, а также ее вес среди остальных семейных структур. На примере Саратовской губернии можно сделать вывод, что в типичном аграрном регионе в конце XIX в. сложная семья занимала доминирующее положение, включая в свой состав немногим менее половины сельского населения.

Ключевые слова: Поволжье, Саратовская губерния, пореформенный период, семья, домохозяйство, семейная структура, историческая демография

Для цитирования: Мельников П. Ю. Сложная крестьянская семья Саратовской губернии в конце XIX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 73–83. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/73-83

Original article
DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/73-83

A complex peasant family in the Saratov province at the end of the XIX century

Pavel Yu. Melnikov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, p_melnikov@list.ru

Abstract. The article analyzes the main characteristics of a complex, multigenerational peasant family. The families were classified according to the Cambridge system of Peter Laslett. Primary census forms of the zemstvo agricultural census of 1880 - the first half of the 1890s were used as a source material. The main quantitative parameters of a complex family, its varieties, as well as its weight among other family structures have been identified. Using the example of the Saratov province, we can conclude that in a typical agrarian region at the end of the 19th century, the complex family dominated, comprising a little less than half of the rural population.

Key words: Volga region, Saratov province, post-reform period, family, household, family structure, historical demography

For citation: Melnikov P. Yu. A complex peasant family in the Saratov province at the end of the XIX century // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 73–83. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/73-83

Распространенность сложной семьи в Российской империи в предшествующие столетия

Одной из дискуссионных проблем, стоящих перед историко-демографической наукой, является проблема соотношения различных типов семейных структур в определенный исторический период. Её решение базируется на ряде локальных исследований, привязанных к конкретному месту и времени [28; 29]. В рамках данной статьи будет предпринята попытка определить распространенность и структурные характеристики сложной семьи в крестьянской среде Российской империи конца XIX столетия на примере Саратовской губернии.

Вначале необходимо определиться с терминами. Во-первых, по сложившейся в историко-демографических исследованиях традиции, термины "семья", "двор", "домохозяйство" будут использоваться как синонимы (так как в подавляющем большинстве случаев речь идет о группе родственников, объединенных общностью проживания и экономической деятельностью) [39, с. 25]. Во-вторых, изучаемая семейная структура в работах представителей разных наук имеет различные названия: в литературе можно встретить термины "большая семья", "сложная семья", "многопоколенная семья", "отцовская семья в три поколения", а также "семейная община" [25]. Наконец, в-третьих, (и это более важный аспект) сложная семья, несмотря на свою очевидность, по-разному идентифицировалась исследователями, что создавало существен-

ные проблемы (зачастую, неразрешимые) при сопоставлении выводов из разных работ [29].

В большинстве случаев общий знаменатель все-таки можно было выделить: все авторы отмечали "малую семью" (родители и неженатые дети), "сложную отцовскую семью" (несколько семейный пар под руководством отца – домохозяина) и "братскую семью" (совместное проживание нескольких супружеских пар женатых братьев). Далее уже шли вариации, поскольку каждый из исследователей на свое усмотрение выделял внутри этих групп более мелкие подгруппы – от 5 до 19 – зачастую очень экзотические и несопоставимые ("усеченная братская семья", "задружная семья" и т.д.) [23].

В постсоветский период при характеристике семейной структуры чаще используется классификация Кембриджской группы П. Ласлетта [39]. Согласно этому подходу, все домохозяйства подразделяются на 6 типов: 1) одиночки; 2) бессемейные; 3) малые (супружеские); 4) расширенные; 5) сложные (составные); 6) неопределенные. Основой домохозяйства (или ядром) является супружеская пара. Одна такая пара составляет малую семью (при этом возможны внутренние подварианты: супруги без детей – подтип 3а, с детьми – 3б, вдовец или вдова с детьми – 3в и 3г соответственно. Малое домохозяйство плюс дополнительный родственник (восходящий, нисходящий или боковой) трансформируется в домохозяйство расширенное (также с подтипами). Наконец, 2 и более супружеские пары образуют сложное, или составное домохозяйство.

Его внутренняя классификация зависит от соподчиненности супружеских пар, или точнее, от того, в какой супружеской паре находится формальный глава семьи. Такая ячейка называется первичной, а подчиненная ей – вторичной; вторичных ячеек может быть несколько. Соответственно, подтипом 5а называется семья со вторичным восходящим ядром (т.е. домохозяин – женатый сын), подтипом 5б – семья со вторичным нисходящим ядром (в ней домохозяин – отец). Подтип 5в представляет несколько равных по статусу (или коллатеральных) семейных ячеек при сохранении одного из родителей (при этом неважно, кто он – отец или мать, домохозяин или нет). Наиболее экзотический подвариант – 5г, обозначаемый у Ласлетта французским термином "frerech" - т.е. "братство"; он состоит из совместно проживающих пар женатых братьев (с потомством или без). Наконец, подтип 5д – все остальные подварианты, не подходящие в предыдущие группы (например, домохозяйство "дядя с племянником").

Как уже отмечалось в начале статьи, распространенность сложной семьи в российском обществе на протяжении последних столетий пока точно не определена. Исследователи по этому поводу высказывали различные точки зрения, которые по прошествии ряда лет могли существенно меняться; отсутствие единой классификации и терминологии только усиливало расхождение результатов. Общий тренд выглядит примерно так. В советский период большая часть исследователей - историков и этнографов придерживалась тезиса о преобладании на территории нашей страны малых семей. В частности, доминирование таких структур отмечали в различных районах Севера в XVI–XVIII вв. [20, с. 124–126; 19, с. 71; 8, с. 32], северо-западных регионов в XVI–XVII вв. [3, с. 17–19; 2, с. 59; 12, с. 177–178], на территории Западной Сибири [26, с. 44; 5, с. 9–11]; в коллективном труде "Русская сельская семья Чувашской АССР" также отмечалось широкое распространение малых семей в Среднем Поволжье, однако точных выводов об их преобладании не делалось [11, с. 22]. Ряд региональных выводов был суммирован в отдельной статье В.А. Александра [6] и данная точка зрения на некоторое время стала доминирующей.

При этом существовали и работы с утверждениями двойственного характера: Е.Н. Бакланова и М.В. Биленко отмечали в отдельных случаях приоритет сложной семьи [9, с. 95; 4, с. 60; 8, с. 173–175], А.А. Столяров фиксировал отсутствие понятной тенденции [34, с. 113]; однако такого рода выводы находились в меньшинстве и были менее заметны.

В некоторых случаях авторы в принципе не давали количественной оценки, ограничиваясь качественными характеристиками: "Семья в традиционном обществе играла совершенно исключительную роль... Это была большая патриархальная семья, в состав которой могли входить не только

родственники, но и рабы, ученики, слуги, приживалки и т.п." или "В большой патриархальной семье, состоящей из нескольких поколений и родственников по мужской линии, появляются экономические интересы и стимулы к рождению детей..." [14, с. 97; 7, с. 207].

Таким образом, литература советского периода в большей степени склонялась к тезису о доминировании в дореволюционную эпоху малой, супружеской семьи.

В три последующих постсоветских десятилетия ответ на данный вопрос был существенно подкорректирован. Во-первых, разрозненные выводы советской историографии были по мере возможности стандартизированы Б.Н. Мироновым, использовавшим ставшую популярной классификацию Ласлетта; его вывод звучал следующим образом: "Приведенные данные позволяют заключить, что в губерниях, заселенных преимущественно русскими, в XVI-первой половине XIX в. преобладали составные семьи, в то же время значительная часть крестьян проживала в малых семьях, а в губерниях, заселенных украинцами, белорусами и прибалтийскими народами, наоборот, преобладали малые семьи, а значительная часть крестьян проживала в составных и расширенных семьях" [28, с. 10].

Во-вторых, стали доступны результаты (пусть и не очень многочисленные) исследований зарубежных ученых (П. Цзап, С. Хок, М. Миттауэр), как прошедших десятилетий, так и современные. Их интересы в основном касались периода XVIII – первой половины XIX вв., а оценка семейной структуры, в отличие от отечественных авторов, была стандартизована. Большинство из них сходились на мнении, что в дореволюционный период (как минимум до Великих Реформ) среди крестьянства преобладали семьи сложные [37; 38; 41].

Наконец, в-третьих, за три постсоветских десятилетия был проведен ряд исследований, как отечественных, так и зарубежных авторов. Они также, как и ранее, имеют региональную или национальную специфику, их результаты чаще стандартизированы [1; 13; 15; 17], однако в ряде случаев (Т.А. Першина, М.В. Прохоров) обработаны по старой методике и требуют пересчета [31; 32]. В принципе, и те, и другие дают основание говорить о преобладании в первой половине XIX в. среди крестьянства сложной семьи.

Как можно заметить, исследования семьи чаще имеют хронологическую привязку к XVIII в., и особенно к первой половине XIX в. Это объясняется и особенностями объекта изучения, и спецификой источников по данной теме. Для оценки семейной структуры исследователь должен проделать очень трудоемкую работу, анализируя непосредственное описание каждого домохозяйства, о котором нужна информация в источниках далеко не всегда была очевидной.

Так, работы по Северным регионам XVI – первой половины XVII вв. при оценке семьи опирались на писцовые книги, главным образом содержащие данные о городской и земельной недвижимости. Население учитывалось в них крайне незначительно - не всё, а только какая-то не совсем понятная часть; очевидный вычисляемый параметр – число "людей" на двор. Такой подход создавал у историков серьезные дебаты о том, кто именно подразумевался под "людьми" - домохозяева, женатые мужчины или просто взрослые члены двора – и порождал соответствующие расхождения в оценке семьи того периода. Переписные книги XVII в. были точнее, они учитывали все мужское население, однако это также давало повод для двойственных оценок [24].

Более детальными и содержательными для изучения семейной структуры являются документы XVIII – первой половины XIX в. Здесь исследователи могли пользоваться клировые ведомости, данные метрических книг, рекрутские списки, однако особой популярностью пользовались ревизские сказки, преимущественно – первой половины XIX в. К тому времени ревизии проводились уже неоднократно, описания семей делались по определенному стандарту, с 1834 учитывалось не только мужское, но и женское население; сопоставление же данных нескольких ревизий – 1816, 1834, 1850 и 1858 г. позволяло рассматривать интересующий объект в динамике. При этом авторы, как правило, ограничивались материалом 1 – 3 сел, экстраполируя его на весь регион; проверка выборки статистическими методами не проводилась.

Таблица 1. Распределение домохозяйств по типам по системе Ласлетта
 Table 1. Distribution of households by type according to the Laslett system

Тип домохозяйства	Количество	В процентах	В них проживало	В процентах
Одинокие	141	2,8	141	0,5
Без семьи	18	0,4	45	0,2
Малое	2297	45,6	10078	33,9
Расширенное	852	16,9	4821	16,2
Сложное	1728	34,3	14600	49,2
Неопределенное	0	0,0	0	0,0
Итого	5036	100,0	29685	100,0

Составлено автором на основе: Государственный архив Саратовской области. Ф. 421
 Compiled by the author based on: The State Archive of the Saratov Region. F. 421

По сравнению с указанным периодом, пореформенная семья практически не изучена – опять-таки по причине источникового характера. Ревизионные переписи прекратились, документация помещичьих хозяйств стала гораздо скуднее. Первичные материалы переписи 1897 г., содержащие необходимую исследователям информацию о домохозяйствах, согласно инструкции были уничтожены, а опубликованные – носят обобщенный характер. В них фиксируется существенное понижение средней численности семьи – по Европейской части Российской империи с 8,4 до 6,1 человека [27, с. 221], однако для точного ответа на интересующий вопрос этого недостаточно. Поэтому исследования пореформенного периода более разобщенные и вынуждено привязаны к сохранившимся документам. Это могли быть не уничтоженные по какой-то причине первичные материалы переписи 1897 г. (переписные листы Б Тобольской губернии) [16], либо данные земских сельскохозяйственных переписей; любопытно, что последний источник неоднократно использовался в социально-экономических работах [33, 36] и только один раз был взят на вооружение в историко-демографическом проекте – причем иностранным автором [40]. Выводы этих немногочисленных исследований таковы: в Тобольской губернии сложные семьи составляли 25,9 %, а в Московской губернии за 2 пореформенных десятилетия, вопреки сложившейся точке зрения, количество сложных семей выросло с 53 до 62 % (в одном из двух наблюдаемых сел).

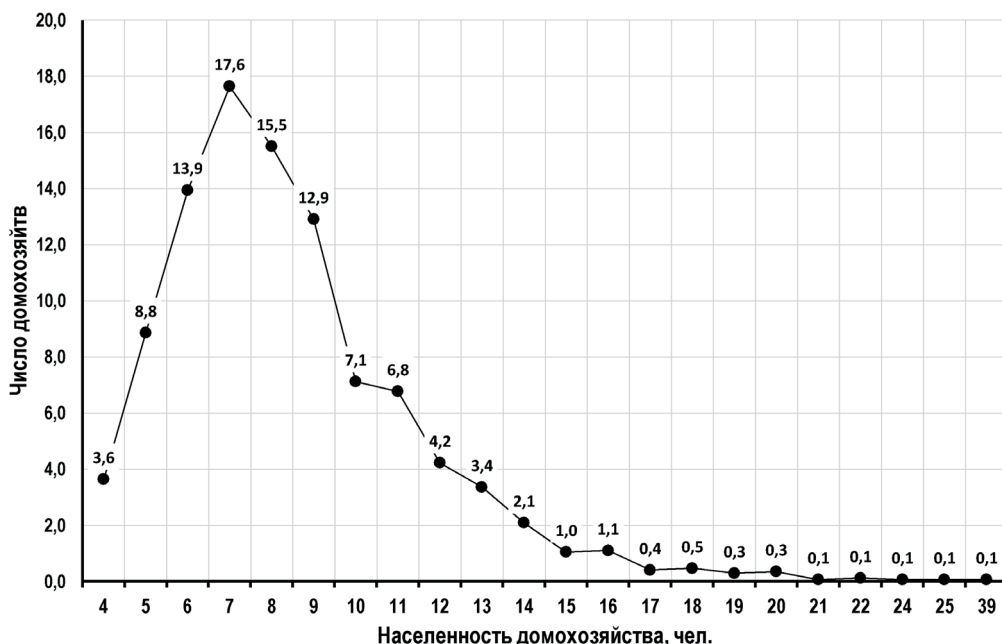
Таким образом, до середины XIX в. по данным последних исследований среди крестьянского населения Российской империи преобладала сложная семья, во второй половине столетия картина начала меняться, однако более-менее точный вывод сделать невозможно из-за эпизодичности рассмотрения вопроса.

Характеристика сложной семьи Саратовской губернии

В рамках данной статьи для анализа семейной структуры крестьянства будут использоваться материалы земских сельскохозяйственных переписей Саратовской губернии. Они проводились в 1880 – первой половине 90-х гг., а их обобщенные результаты (поездные и губернские) были опубликованы ещё до революции. При этом в фонде 421 Государственного архива Саратовской области были обнаружены первичные переписные листы данной переписи. Общий объем сохранившегося материала – более 5000 домохозяйств, расположенных преимущественно в северной части губернии – Кузнецком, Хвалынском и Петровском уездах (80%); около 20 % описаний касаются южной части – Камышинского уезда (ГАСО. Ф. 421 (Саратовский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 439, 440, 441, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 7295, 7296, 7297, 7298, 7299, 7300, 7301, 7302, 7303, 7304, 7342, 7343, 7344, 7345, 7346, 7347, 7348, 7349, 7350, 7351, 7352, 7353, 7354, 7355, 7356)¹.

¹ ГАСО – Государственный архив Саратовской области

Рисунок 1. Распределение сложных домохозяйств по населенности (в %)
 Figure 1. Distribution of complex households by population (in %)

Составлено автором на основе: Государственный архив Саратовской области. Ф. 421

Compiled by the author based on: The State Archive of the Saratov Region. F. 421

Естественно, что полученные выводы будут носить локальный характер. Конец XIX в. – время интенсивного развития капиталистических отношений в Российской империи, сопровождаемый развитием промышленного производства и активным перемещением сельского населения в города. Городское население существенно отличалось от сельского по многим демографическим параметрам – рождаемости, брачности, семейной структуре [27, с. 177, 190, 236]. А Саратовская губерния в этом ряду представляет собой типичный аграрный регион, со слабо развитой промышленностью, ориентированной на переработку сельскохозяйственной продукции и абсолютно преобладающим сельским населением - 87,2 % [30, с. IV]. Поэтому характеристики её семьи могут быть корректно распространены на регионы с аналогичным размещением населения и схожими социально-экономическими параметрами [18].

Итак, согласно материалам ГАСО, семейная структура Саратовской губернии в конце XIX в. выглядела следующим образом (таблица 1).

Как видно из таблицы, выводы о состоянии семьи Саратовской губернии на конец XIX в. можно сделать двойственные. По абсолютному показателю на первом месте находилось малое домохозяйство (45,5 % наблюдений); если же за критерий большинства брать количество проживающих в том или другом типе семьи, то на первом месте оказывается сложное домохозяйство (49,2% всех жителей).

Основные количественные характеристики сложной семьи выглядят следующим образом. Ее средняя численность составляла 8,45 человека при стандартном отклонении в 3,04; медиана была равна 8, мода – 7 (305 наблюдений, т.е. менее 20 % всех случаев). Размер колебался от 4 до 25 человек (плюс один крайне нестандартный вариант из 39 человек – "выброс", выражаясь языком статистики); при этом квартильный размах был равен 4 (диапазон от 6 до 10), т.е. половина всех наблюдений сосредоточена в этом интервале. Т.е. сложная семья – только относительно большая; из графика (рис. 1) видно, что структуры свыше 11 человек исчисляются десятками, а более 16 человек – единицами; семьи численностью выше 20 человек – уже исключение, их всего

Таблица 2. Распределение сложных домохозяйств по подтипам по системе Ласлетта
 Table 2. Distribution of complex households by subtypes according to the Laslett system

Подтип	Количество домохозяйств	В процентах	В них проживало	В процентах
5а	198	11,5%	1565	10,7%
5б	1264	73,1%	10392	71,2%
5в	147	8,5%	1427	9,8%
5г	108	6,3%	1093	7,5%
5д	11	0,6%	124	0,8%
Всего	1728	100,0%	14604	100,0%

Составлено автором на основе: Государственный архив Саратовской области. Ф. 421
 Compiled by the author based on: The State Archive of the Saratov Region. F. 421

12 (или 0,8 % всех домохозяйств, включая абсолютно нестандартный вариант в 39 человек).

Как уже отмечалось выше, согласно системе Ласлетта, сложное домохозяйство имеет определенные подтипы. Распределение по подтипам, а также населённость, показаны в *таблице 2*.

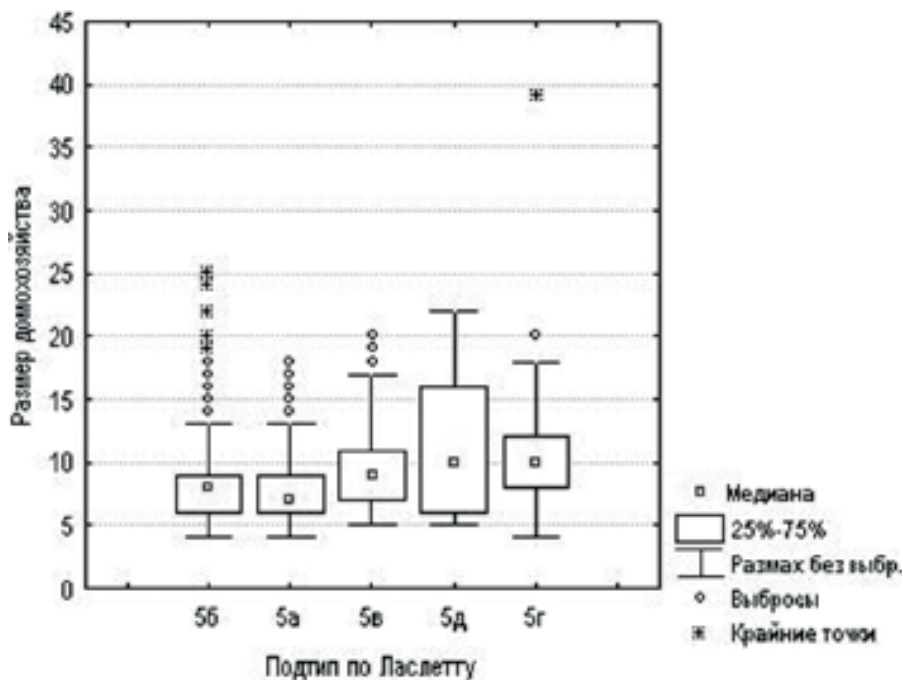
В приведённых данных можно отметить следующие моменты. Во-первых, количество домохозяйств определенного подтипа и число проживающих в нем в процентном отношении расходятся не существенно (не более 2 %); есть ли здесь какая-то взаимосвязь – покажут дальнейшие исследования. Во-вторых, здесь явно читается преобладание подтипа 5б – "классического" варианта сложной семьи – нескольких иерархически соподчиненных супружеских пар со старшим домохозяином во главе. Именно в данной подгруппе находится т.н. "корневая семья" (steam family), в свое время апологизированная Фредериком Ле Плэ; в этой конструкции совместно с родителями живет только один женатый сын – с детьми или без них [21].

Остальные варианты можно считать производными от 5б – в ближней или более отдаленной перспективе. Подтип 5а (11,5 %) отличается от 5б не структурно, а юридически – в нем главой домохозяйства числится женатый сын, а не отец (по причине преклонного возраста или иной неспособности руководить хозяйством). Другой вариант эволюции – смерть одного из супругов старшей семейной пары; в таком случае 5б трансформируется в подтип 5в (0,8 %). Следует отметить, что данный подвариант может по-разному трактоваться в зарубежной литературе. Согласно английской системе Ласлетта, основой семьи является супружеская пара ("ядро"); французский вариант Луи Анри также использует этот термин, однако учитывает не сами семейные пары, а мужчин, их возглавляющих. Поэтому steam family, о которой говорилось выше, в случае смерти одного из родителей по английской системе рассматривается как расширенное, а по французской – как сложное домохозяйство.

Еще более экзотический вариант развития сложной семьи – подтип 5г, или братская семья, обозначаемая у Ласлетта термином frerech ("братство") – совместное проживание нескольких братьев (женатых или нет), один из которых выполняет роль домохозяина. Братские семьи отмечались исследователями в самые разные исторические периоды, в ряде случаев могли быть довольно многочисленными, насчитывая до 19 % всех домохозяйств (Тамбовская губерния, первая половина XIX в.); во второй половине XIX в. их численность не превышала 5 % домохозяйств. Свою роль сыграл тот факт, что братские семьи неустойчивее по сравнению с другими вариантами и гораздо быстрее распадались на более простые структуры [23]. Наконец, вариант 5д – включающий в себя непрямых родственников; это самый последний случай эволюции семейной структуры и потому самый немногочисленный.

При сопоставлении разновидностей сложной семьи по численности выявляется некоторая закономерность – увеличение размера в процессе перехо-

Рисунок 2. Соотношение подтипа сложного домохозяйства и его размера
 Figure 2. Correlation between the subtype of a complex household and its size.

Составлено автором на основе: Государственный архив Саратовской области. Ф. 421

Compiled by the author based on: The State Archive of the Saratov Region. F. 421

да от одного подтипа к другому. Средний размер домохозяйства 5а равен 7,8 человека, 5б - 8,2 человека, 5в - 9,6 человека, 5г - 10,2 человека и 5д - 11,3 человека (рис. 2); возможно это связано с продолжительностью существования сложной семьи, которая за счет естественных процессов роста всё более увеличивается в размере. Сам процесс не линейный, если начинать отсчет от наиболее распространенной модели 5б: семья либо уменьшается (в 5а), причем без формального изменения структуры, либо увеличивается (при этом последовательно трансформируясь в 5в, 5г и 5д). Следует отметить, что данный путь проходит лишь часть домохозяйств, что хорошо заметно при сопоставлении численности каждого подтипа (таблица 2). В совокупности варианты 5а, 5в, 5г и 5д составляют чуть более четверти (28,8%) всех сложных семей, а остальные - производные от 5б - трансформировались в более простые структуры (чаще всего через семейный раздел).

Применительно к сложной семье часто используется критерий - "многопоколенная семья"; это следует понимать, как "более 2 поколений", поскольку 2 поколения - минимум практически для всех, за редким исключением, домохозяйств. Естественно, что и часть сложных семей также состоит из 2 поколений - но их явное меньшинство; к таким относятся все домохозяйства из 4 человек (63 единицы), примерно четверть домохозяйств из 5 человек, около 18% домохозяйств из 6 человек, в совокупности - 15,8%. Большинство семей состоят из 3 поколений - 78,4%. Семьи из 4 поколений очень редки - их чуть более 5%; само по себе это вполне объяснимо - для появления подобного варианта должно произойти совпадение нескольких факторов, как минимум - дожитие представителя старшего поколения до 70-75 лет, что в условиях Российской империи конца XIX в. было редким явлением (средний возраст предстоящей жизни у мужчины в этот период был равен 31,3 года, у женщины 33,4 года).

Заключение

Подведем итог. В конце XIX столетия в крестьянском обществе Саратовской губернии сложная, многопоколенная семья продолжала занимать серьезные позиции; она насчитывала 34,3 % всех сельских домохозяйств, в которых проживало 49,2 % населения (можно сказать, что каждый второй житель находился в составе такой семьи). Ее средний размер был равен 8,45 человека, реальный размер половины наблюдений варьировался в диапазоне от 6 до 10 человек; крупные домохозяйства свыше 16 человек очень редки, более 20 человек – единичны (0,8 % всех наблюдений). Наиболее распространенным вариантом сложной семьи являлся подтип 5б (73,1 %), в котором отец являлся официальным домохозяином; остальные подварианты – 5а, 5в, 5г и 5д – встречались гораздо реже (от 10 до 0,8 %), но одновременно были больше по размеру (за исключением 5а). Также можно отметить, что преобладающим вариантом являлась семья из трех поколений 78,4 %; четырехпоколенные семьи встречались редко – в 5,8 % случаев и были в среднем крупнее остальных (10,3 человек на двор). В принципе, доля сложных семей в общем объеме населения существенно выше, нежели можно было бы представить по описательным характеристиками этнографической экспедиции В.Н. Тенишева, проводившейся примерно в это же время. Ее корреспонденты довольно эмоционально описывали наблюдаемую ими ситуацию, отмечая кризис семьи старого уклада: "Дележи в семьях – дело заурадное", "теперь нет почти ни одной семьи, где бы жили два или более братьев без отца и матери", "два родных брата не могут ужиться вместе", "единственный женатый сын желает жить отдельно" [35, с. 33]. Видимо, происходившие на их глазах процессы существенно расходились с привычной им картиной патриархального мира, однако масштабы были не столь значительными. Сложная семья как институт аграрного общества ещё в конце XIX столетия была доминирующей структурой непромышленного региона и уступила место малой семье только в XX в.

Литература

1. Авдеев А.А., Ульянова Г.Н., Троицкая И.А. Сословные различия в структурах домохозяйств в XIX веке: Москва и ее окрестности // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 2. С. 74 – 91.
2. Аграрная история Северо-Запада России XVII в. (население, землевладение, землепользование). Л.: Наука, 1989. 231 с.
3. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л.: Наука, 1971. Т. 1. 402 с.
4. Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начала XIX в. М.: Наука, 1974. 254 с.
5. Александров В.А. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII – начала XVIII в. // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Сибирский этнографический сборник. 1961. Вып. 3. С. 3–26.
6. Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78–96.
7. Антонов А.И. Социология рождаемости. Теоретические и методологические проблемы. М.: Статистика, 1980. 272 с.
8. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII - начало XVIII в. М.: Наука, 1976. 221 с.
9. Бакланова Е.Н. Переписная книга как источник по истории крестьянской семьи в Вологодском уезде // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 170–181.
10. Биленко М.В. О мордовской семье XVII в. // Советская этнография. 1979. № 1. С. 93–104.
11. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Зорина Л. И. Русская сельская семья Чувашской АССР (историко-этнографическое исследование). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. 192 с.
12. Вишневский А.Г. Образ прошлого в демографической литературе // Историческая демография: проблемы, суждения / Отв. ред. Ю.А.Поляков. М., Наука, 1989. 286 с.
13. Воробьев В.М., Детьяров А.Я. Основные черты сельского расселения на северо-западе Руси в XVI - XVII вв. // История СССР. 1980. № 5. С. 169–180.
14. Гальперина Ю.С. Семейная структура немецких поселений на Волге в середине XIX в.: опыт исследования колонии Гнилушка (Пфайфер) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 4. С. 88–93.
15. Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи / Под ред. А.Г.Волкова. М.: Статистика, 1979. 200 с.

16. Деннисон Т. Крестьянские дворохозяйства в имении Вошажниково в 1836–1858 гг. // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2005. Январь. Вып. 1. С. 147–154.
17. Зверев В.А. Семейно-брачный строй в деревнях Западной Сибири (по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 4 (8). С. 63–70.
18. Канищев В. В., Кончаков Р. Б., Мизис Ю. А., Морозова Э. А. Структура крестьянской семьи. Тамбовская губерния, XIX – начало XX в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002.
19. Ковальченко И. Д., Бородин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // История СССР. 1979. № 1. С. 59–95.
20. Копанев А.И. Крестьяне русского Севера в XVII в. Л.: Наука, 1984. 228 с.
21. Копанев А. И. Крестьянство русского Севера в XVI в. Л.: Наука, 1978. 246 с.
22. Ле-Пле, Фредерик (1806-1882). Основная конституция человеческого рода: С очерком жизни и деятельности авт. / Соч. Ле-Пле. Москва : К.П. Победоносцев, 1897. [2], XLII, 232, IV с.; 21.
23. Мельников П.Ю. О структуре крестьянской семьи в России XVII–XIX вв.: проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 163–166. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-163-166.
24. Мельников П.Ю. Братские домохозяйства Саратовской губернии в конце XIX в.: историко-демографический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 94–100. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-94-100>
25. Мельников П.Ю. Крестьянская семья на Севере в XVI–XVII вв.: обобщение и интерпретация исследований советского периода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15. № 2. С. 5–9.
26. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 350 с.
27. Миронов Б.Н. 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., "Дмитрий Буланин". Т. 1. 583 с.
28. Миронов Б. Н. Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной историографии // Вестн. С-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2007. Вып. 3. С. 3–29.
29. Носевич Н. Л. Ещё раз о Западе и Востоке: структуры семьи и домохозяйства в истории Европы // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе: Тр. VII конф. Ассоциации "История и компьютер". М., 2001. // Персональный сайт белорусского историка Вячеслава Носевича [Электронный ресурс]. URL <http://vln.by/node/116> (дата обращения: 13.06.2021).
30. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб.; Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1904. 249 с.
31. Першина Т.А., Першин С.В., Ефимкин Д.Г. Родственный состав крестьянской семьи в первой половине XIX века (по материалам д. Мордовское Маскино и С. Желтоногово Краснослободского уезда Пензенской губернии) // Лучшая научная статья. 2017. Сборник статей VIII Международного научно-практического конкурса. 2017. С. 29–33.
32. Прохоров М.Ф. Крестьянская семья Подмосковья в период отечественной войны 1812 года: численность, состав, структура // Сервис plus. 2015. Т. 9. № 2. С. 91–99.
33. Разумов Л.В. Расслоение крестьянства Центрально-промышленного района в конце XIX – начале XX в. Опыт количественного анализа по данным земской статистики. М.: ИРИ, 1996. 349 с.
34. Столяров А. А. К вопросу изучения русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI – начале XX в. // Вопросы этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1980. С. 111–118.
35. Федоров В.А. Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Сельское хозяйство и крестьянство северо-запада РСФСР в дореволюционный период. Межвузовский сборник научных трудов. Смоленск. С. 29–46.
36. Янг Сын Чжо. Социальная структура российской деревни в конце XIX – начале XX в. (1880–1905 гг.) По материалам статистики Центрально-Черноземных губерний – Воронежской и Тамбовской: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 284 с.
37. Czap P. (1) The Perennial multiple family household: Mishino, Russia 1782-1858 // Journal of Family History. 1982. Vol. 7. No. 1. Spring. P. 5–26.
38. Hoch St. L. Serfdom and social control in ussia: Petrovskoe, a village of Tambov. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989. P. 65-91. (Перевод на русский язык: Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. Москва, 1993).
39. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. 1972. / Laslett P., Wall R. (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press: 623. (Перевод на русский язык: Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. статей / Под ред. А.Г.Вишневого и И.С.Кона. М., 1979. С. 132–157).

40. Kolle H. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history, University of Bergen. Bergen, 1995. 97 p.
41. Mitterauer, M. and Kagan, A. Russian and central European family structures: a comparative view. In: *Journal of Family History*, 7 (1982). P. 103–131.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Avdeev A.A., Ul'yanova G.N., Troitskaya I.A. Soslovnye razlichiya v strukturakh domokhozyajstv v XIX veke: Moskva i ee okrestnosti // *Demograficheskoe obozrenie*. 2015. T. 2. № 2. S. 74 – 91.
2. Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii XVII v. (naselenie, zemlevladienie, zemlepol'zovanie). L.: Nauka, 1989. 231 s.
3. Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii. Vtoraya polovina XV – nachalo XVI v. L.: Nauka, 1971. T. 1. 402 s.
4. Aleksandrov V. A. Obychnoe pravo krepostnoj derevni Rossii XVIII – nachala XIX v. M.: Nauka, 1974. 254 s.
5. Aleksandrov V.A. CHerty semejnogo stroya u russkogo naseleniya Enisejskogo kraja XVII – nachala XVIII v. // *Trudy instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Sibirskij etnograficheskij sbornik*. 1961. Vyp. 3. S. 3–26.
6. Aleksandrov V. A. Tipologiya russkoj krest'yanskoj sem'i v ehpkhu feodalizma // *Istoriya SSSR*. 1981. № 3. S. 78–96.
7. Antonov A.I. Sotsiologiya rozhdamosti. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy. M.: Statistika, 1980. 272 s.
8. Baklanova E.N. Krest'yanskij dvor i obshhina na Russkom Severe. Konets XVII - nachalo XVIII v. M.: Nauka, 1976. 221 s.
9. Baklanova E.N. Perepisnaya kniga kak istochnik po istorii krest'yanskoj sem'i v Vologodskom uezde // *Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR. Severnyj arheograficheskij sbornik*. Vyp. 1. Vologda, 1970. S. 170–181.
10. Bilenko M.V. O mordovskoj sem'e XVII v. // *Sovetskaya etnografiya*. 1979. № 1. S. 93–104.
11. Busygin E. P., Zorin N. V., Zorina L. I. Russkaya sel'skaya sem'ya CHuvashskoj ASSSR (istoriko-etnograficheskoe issledovanie). Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1980. 192 s.
12. Vishnevskij A.G. Obraz proshlogo v demograficheskoi literature // *Istoricheskaya demografiya: problemy, suzhdeniya / Otv. red. YU.A.Polyakov*. M., Nauka, 1989. 286 s.
13. Vorob'ev V.M., Degtyarev A.YA. Osnovnye cherty sel'skogo rasseleniya na severo-zapade Rusi v XVI - XVII vv. // *Istoriya SSSR*. 1980. № 5. S. 169–180.
14. Gal'perina YU.S. Semejnaya struktura nemetskikh poselenij na Volge v seredine XIX v.: opyt issledovaniya kolonii Gnilushka (Pfajfer) // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. T. 13. № 4. S. 88–93.
15. Darskij L.E. Rozhdamost' i reproduktivnaya funktsiya sem'i // *Demograficheskoe razvitie sem'i / Pod red. A.G.Volkova*. M.: Statistika, 1979. 200 s.
16. Dennison T. Krest'yanskie dvorokhozyajstva v imenii Voshhazhnikovo v 1836–1858 gg. // *Vestnik S.-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya*. 2005. YAnvar'. Vyp. 1. S. 147–154.
17. Zverev V.A. Semejno-brachnyj stroj v derevnyakh Zapadnoj Sibiri (po materialam Vserossijskoj perepisi naseleniya 1897 g.) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2009. № 4 (8). S. 63–70.
18. Kanishhev V. V., Konchakov R. B., Mizis YU. A., Morozova EH. A. Struktura krest'yanskoj sem'i. Tambovskaya guberniya, XIX – nachalo XX v. // *Sotsial'naya istoriya rossijskoj provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshhestva v XVIII XX vv. Tambov*, 2002.
19. Koval'chenko I. D., Borodkin L. I. Agrarnaya tipologiya gubernij Evropejskoj Rossii na rubezhe XIX–XX vv. // *Istoriya SSSR*. 1979. № 1. S. 59–95.
20. Kopanev A.I. Krest'yane russkogo Severa v XVII v. L.: Nauka, 1984. 228 s.
21. Kopanev A. I. Krest'yanstvo russkogo Severa v XVI v. L.: Nauka, 1978. 246 s.
22. Le-Ple, Frederik (1806-1882). Osnovnaya konstitutsiya chelovecheskogo roda: S ocherkom zhizni i deyatelnosti avt. / Soch. Le-Ple. Moskva : K.P. Pobedonostsev, 1897. [2], XLII, 232, IV s.; 21.
23. Mel'nikov P.YU. O strukture krest'yanskoj sem'i v Rossii XVII–XIX vv.: problema klassifikatsii i terminologii v issledovaniyakh sovetskogo perioda // *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017. T. 17, vyp. 2. S. 163–166. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-163-166.
24. Mel'nikov P.YU. Bratskie domokhozyajstva Saratovskoj gubernii v kontse XIX v.: istoriko-demograficheskij analiz // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. T. 21, vyp. 1. S. 94–100. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-94-100>
25. Mel'nikov P.YU. Krest'yanskaya sem'ya na Severe v XVI–XVII vv.: obobshhenie i interpretatsiya issledovaniy sovetskogo perioda // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. T. 15. № 2. S. 5–9.

26. Minenko N. A. Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoj Sibiri (XVIII – pervoj poloviny XIX v.). Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1979. 350 s.
27. Mironov B.N. 2003. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) Genezis lichnosti, demokraticeskoy sem'i, grazhdanskogo obshhestva i pravovogo gosudarstva. V 2 t. SPb., "Dmitrij Bulanin". T. 1. 583 s.
28. Mironov B. N. Novaya istoricheskaya demografiya imperskoj Rossii: analiticheskij obzor sovremennoj istoriografii // Vestn. S-Peterb. un-ta. Ser. 2. 2007. Vyp. 3. S. 3–29.
29. Nosevich N. L. Eshhyo raz o Zapade i Vostoke: struktury sem'i i domokhozyajstva v istorii Evropy // Krug idej: istoricheskaya informatika v informatsionnom obshhestve: Tr. VII konf. Assotsiatsii "Istorija i komp'yuter". M., 2001. // Personal'nyj sajt belorusskogo istorika Vyacheslava Nosevicha [EHlektronnyj resurs]. URL <http://vln.by/node/116> (data obrashheniya: 13.06.2021).
30. Pervaya vseobshhaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. T. XXXVIII. Saratovskaya guberniya. SPb.; Izdanie TSentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. 1904. 249 s.
31. Pershina T.A., Pershin S.V., Efimkin D.G. Rodstvennyj sostav krest'yanskoj sem'i v pervoj polovine XIX veka (po materialam d. Mordovskoe Maskino i S. ZHeltonogovo Krasnoslobodskogo uezda Penzenskoj gubernii) // Luchshaya nauchnaya stat'ya. 2017. Sbornik statej VIII Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa. 2017. S. 29–33.
32. Prokhorov M.F. Krest'yanskaya sem'ya Podmoskov'ya v period otechestvennoj vojny 1812 goda: chislennost', sostav, struktura // Servis plus. 2015. T. 9. № 2. S. 91–99.
33. Razumov L.V. Rassloenie krest'yanstva TSentral'no-promyshlennogo rajona v kontse XIX – nachale XX v. Opyt kolichestvennogo analiza po dannym zemskoj statistiki. M.: IRI, 1996. 349 s.
34. Stolyarov A. A. K voprosu izucheniya russkikh sel'skikh semej Srednego Povolzh'ya v XVI – nachale XX v. // Voprosy ehntografii Srednego Povolzh'ya. Kazan', 1980. S. 111–118.
35. Fedorov V.A. Semejnye razdely v russkoj poreformennoj derevne // Sel'skoe khozyajstvo i krest'yanstvo severo-zapada RSFSR v dorevoljucionnyj period. Mezhdvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Smolensk, 1979. S. 29–46.
36. YAng Syn CHzho. Sotsial'naya struktura rossijskoj derevni v kontse XIX – nachale XX v. (1880–1905 gg.) Po materialam statistiki TSentral'no-CHernozemnykh gubernij – Voronezhskoj i Tambovskoj: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2008. 284 s.
37. Czap P. (1) The Perennial multiple family household: Mishino, Russia 1782-1858 // Journal of Family History. 1982. Vol. 7. No. 1. Spring. P. 5–26.
38. Hoch St. L. Serfdom and social control in ussia: Petrovskoe, a village of Tambov. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989. P. 65-91. (Perevod na russkij yazyk: KHok S.L. Krepostnoe pravo i sotsial'nyj kontrol' v Rossii: Petrovskoe, selo Tambovskoj gubernii. Moskva, 1993).
39. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. 1972. / Laslett P., Wall R. (eds.). Cambridge, Cambridge Univ. Press: 623. (Perevod na russkij yazyk: Laslett P. Sem'ya i domokhozyajstvo: istoricheskij podkhod // Brachnost', rozhdanost', sem'ya za tri veka: sb. statej / Pod red. A.G.Vishnevskogo i I.S.Kona. M., 1979. S. 132–157).
40. Kolle H. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history, University of Bergen. Bergen, 1995. 97 p.
41. Mitterauer, M. and Kagan, A. Russian and central European family structures: a comparative view. In: Journal of Family History, 7 (1982). P. 103–131.

Информация об авторе

Павел Юрьевич Мельников, канд. ист. наук, доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, e-mail: p_melnikov@list.ru

Information about the author

Pavel YU. Mel'nikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of State and Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, e-mail: p_melnikov@list.ru

Поступила в редакцию

(Received) 24.09.2021

Одобрена после рецензирования

(Approved) 01.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 15.02.2022